Глава 25

Пятьсот тысяч!

За простое фото ног!

Конечно, за обычный снимок в брюках столько бы не дали. Гу Сю, хоть и не разделял подобных наклонностей, прекрасно понимал логику таких «извращенцев». Если заказчик потребует обнажить что-то лишнее… независимо от того, что на уме у «босса», для юноши это было исключено.

Однако пятьсот тысяч — сумма слишком соблазнительная, чтобы просто так от нее отмахнуться.

A7993344: [Нужны только ноги. Обнаженные.]

«Топ-донат» четко обозначил условия, тем самым сохранив свою едва держащуюся на плаву репутацию благопристойного человека. По сравнению с огромной суммой в полмиллиона, эта просьба казалась сущим пустяком. В конце концов, в мире стриминга полно тех, кто готов демонстрировать свои длинные ноги совершенно бесплатно, лишь бы привлечь аудиторию.

Разрываясь между жадностью и остатками гордости, Гу Сю выбрался из постели, время от времени бросая опасливые взгляды в сторону ванной, где скрылся Лу Шичэнь.

Меркантильная Система не упустила возможности подлить масла в огонь:

[Гугуцзю! Эти деньги буквально падают с неба! Быстрее, быстрее, осталось всего три минуты!!]

На Гу Сю были надеты свободные домашние брюки. Поразмыслив, он закатал одну штанину, затем другую, остановившись на середине бедра — это был предел его готовности к компромиссам. Зажмурившись, он сделал снимок и отправил его загадочному благодетелю.

Гугуцзю: [Фото]

Гугуцзю: «Босс, так пойдет? ^ - ^»

Обычно решительный «топ-донат» на этот раз медлил с оплатой.

A7993344: [Ты в отеле?]

Гу Сю не растерялся.

Гугуцзю: «Я ведь в командировке, босс. Работаю в другом городе».

Всё-таки Гу Сю был образцовым сотрудником, привыкшим играть роль «сволочного гуна». Сленг подонков и тактика ухода от «ловли на измене» были ему знакомы не понаслышке.

Гугуцзю: «Я тут вместе с дядей».

Это было добавлено на случай, если у босса слишком зоркий глаз и он заметит по деталям интерьера, что в номере живут двое. К тому же, это была чистая правда.

Гугуцзю: «Только-только проснулся~»

Гугуцзю: [Фото]

Вдогонку он отправил снимок своих ключиц: ворот рубашки расстегнут на две пуговицы, кожа чистая, без малейших намеков на сомнительные отметины.

В ответ пришло лишь многозначительное многоточие. И никаких денег.

— Ну и человек…

Щелк.

Дверь ванной открылась. От неожиданности Гу Сю едва не выронил телефон, но в последний момент успел его поймать и с самым невозмутимым видом запихнуть в карман.

Лу Шичэнь вышел, окутанный облаком пара. Лицо его было мрачнее тучи — ни следа того облегчения, которое обычно наступает после «разрядки». Его племянник, чье бахвальство богатством постепенно перерастало в сомнительные заработки на грани приличия, умудрился поддаться на уловку в какие-то пятьсот тысяч и отправить фото ног неизвестному «спонсору»… пусть даже этим спонсором был он сам.

Гу Сю, не подозревая о буре в душе мужчины, облегченно выдохнул.

«Фух, я так и знал. Он просто мылся», — пробормотал он в сознании.

[А что еще он мог там делать? — простодушно спросила 007. — Если не мыться, то разве что бороться с запором?]

Гу Сю: «…»

Вскоре принесли завтрак.

Дядя и племянник ели вместе, и на миг показалось, что они вернулись в те спокойные времена на вилле, когда они вместе собирались на работу. Вот только Гу Сю всё еще болел и то и дело заходился в кашле. Прошло немало времени, а каша в его тарелке почти не убавилась — зрелище, совершенно нетипичное для этого вечно голодного парня.

Лу Шичэнь велел ему выпить лекарство и добавил:

— Сегодня оставайся в номере. Никуда не выходи.

— А?! — лицо Гу Сю мгновенно исказилось.

Это никак не входило в его планы!

«Нельзя!» — тут же запротестовала Система. — [Сегодня ты обязан отправиться на съемочную площадку. Тебе предстоит два часа страдать на ледяном ветру, чтобы в конце увидеть, как главный герой весело болтает с коллегой, проходя мимо тебя и игнорируя, точно пустое место… И самое главное: этот коллега будет чем-то на тебя похож!]

007 продолжала с завидным драматизмом:

[Всё вернется тебе сторицей! Ты обращался с ним так же — как с безвольной заменой, еще и упрекал, что он не ценит своего счастья! Только почувствовав это на собственной шкуре, ты узнаешь, как это больно…]

От причитаний Системы у Гу Сю разболелась голова.

«Хватит».

Лу Шичэнь мгновенно уловил перемену в его настроении:

— Что такое? Куда это ты собрался?

— Ну… — Гу Сю принялся задумчиво ковырять ложкой ни в чем не повинную кашу. — Вчера Яояо был сам не свой. Хочу проведать его.

Из-за простуды его голос охрип, а едва он договорил, как снова закашлялся. Грудь его тяжело вздымалась, а губы покраснели, точно их накрасили яркой помадой. В итоге каша так и осталась недоеденной.

«Неужели Цзян Юаньяо ему дороже собственного здоровья?» — подумал Лу Шичэнь.

Закончив с завтраком, Гу Сю распрощался с дядей, переоделся в своем номере и вызвал гостиничную машину до съемочной площадки, расположенной в горах.

По сценарию, в сегодняшней сцене «главный гун» не участвовал. Однако Лу Шичэнь уже был на пути к площадке — он действовал куда эффективнее и прибыл туда на полчаса раньше племянника.

Вдалеке мужчина заметил смутно знакомую фигуру, облаченную в старинные доспехи.

— Гу Сю? — неуверенно окликнул он.

— Директор Лу, каким ветром вас сюда занесло?

Услышав голос режиссера, человек в доспехах обернулся. Это был не Гу Сю — они лишь слегка походили друг на друга. Если бы Гу Сю нарядился генералом, он наверняка выглядел бы куда величественнее и грознее.

Глаза этого человека не обладали той же чистотой и блеском, что у племянника. Стоило ему узнать Лу Шичэня, как во взгляде проступило привычное угодничество, лицемерие и жадность — разительный контраст с той ветреной, капризной и в то же время очаровательной непосредственностью Гу Сю.

Тот вечно пользовался чужой добротой и хитрил, а его голова была полна идей. Это одновременно злило и подкупало.

— Здравствуйте, директор Лу, — Ло Сяо подошел к нему с почтительным поклоном, прерывая мысли мужчины.

Он коротко представился: у него была роль второго плана, имя персонажа упоминалось, но экранного времени было немного. Сегодняшние съемки в основном касались его совместных сцен с Цзян Юаньяо.

Большинство актеров в группе знали, что у Цзян Юаньяо нет серьезного покровителя и его не проталкивали в проект за деньги, но он каким-то образом получил шанс на пробы раньше остальных. Поговаривали, что он в близких отношениях с тем самым изнеженным «наследным принцем» из семьи Лу Шичэня.

Ло Сяо решил воспользоваться именем Цзян Юаньяо, чтобы подольститься:

— Хоть Сяо Цзян еще совсем молод, мне есть чему у него поучиться…

Но чем дольше он говорил, тем сильнее хмурился Лу Шичэнь. В его взгляде читалось нескрываемое отвращение.

Ло Сяо, не понимая причины, замялся и неловко перевел тему:

— Ну… я как раз собирался обсудить с Сяо Цзяном следующую сцену. Директор Лу, не желаете взглянуть?

Лу Шичэнь посмотрел на его лицо, имевшее лишь отдаленное сходство с лицом Гу Сю, и в его голове созрел план.

— У вас с Цзян Юаньяо хорошие отношения?

— Э-э… — Ло Сяо не был уверен, какой ответ устроит босса, поэтому ответил осторожно: — Вполне.

— Ло Сяо.

Лу Шичэнь внезапно назвал его по имени. Пока тот замер в благоговейном восторге, этот всегда беспристрастный мужчина задал вопрос, о котором актер не мог даже мечтать:

— Хочешь… получить больше экранного времени?

***

Гу Сю, не знавший о планах Лу Шичэня, наконец добрался до площадки. Актеры уже закончили репетицию и приступили к съемкам. Режиссер был крайне требователен, в воздухе висело напряжение — каждый выкладывался на полную, не смея расслабиться ни на секунду.

Снимали сцену верховой езды, и каждый актер был обязан держаться в седле сам. Никаких дублеров, никаких поблажек.

К моменту спешивания Цзян Юаньяо был уже на пределе сил. Глядя вниз с двухметровой высоты, он почувствовал, как кружится голова. Юноша побледнел от страха и, несмотря на троекратные понукания режиссера, никак не мог решиться спрыгнуть.

В этот момент Ло Сяо эффектно соскочил со своего белого коня и подошел к нему. Раскрыв объятия и ослепительно улыбаясь, он выглядел точь-в-точь как благородный принц из сказки.

— Не бойся, прыгай. Я тебя поймаю.

Увидев это, 007 не удержалась от комментария:

[Этот парень и впрямь на тебя похож. Вот только он куда заботливее, чем ты — «сволочной гун».]

Поскольку Гу Сю использовал для заданий свое настоящее тело, внешность этого важного «пушечного мяса» была создана на основе его данных. Гу Сю лишь презрительно хмыкнул.

Система продолжала вести репортаж:

[Ой-ой-ой, твой «двойник» такой джентльмен! Снял главного героя с лошади прямо на руки!]

Гу Сю, прилежно играя роль убитого горем и раскаянием «бывшего», помрачнел:

«Я вижу».

А сами участники сцены, не подозревая о наблюдении, продолжали демонстрировать близость. Ло Сяо заметил, что Цзян Юаньяо идет с трудом; он тут же поддержал его, опустился на колено и принялся бережно осматривать его случайно подвернутую лодыжку. Казалось, не откажись Цзян Юаньяо так решительно, Ло Сяо готов был подхватить его как принцессу и заставить разуться, чтобы тот поставил ногу ему на колено.

И всё это — ради тех нескольких дополнительных кадров, обещанных Лу Шичэнем.

Со стороны их действия казались полными нежности, хотя на самом деле обоим было неловко. Однако это сопротивление и «перетягивание каната» создавали на экране невероятное напряжение и «химию».

Другой актер, наблюдавший за ними, с улыбкой заметил:

— Сяо Ло, Сяо Цзян, а вы и впрямь ладите!

[Твой «крематорий» горит на славу! Выражение лица — просто блеск!] — 007 мысленно подняла большой палец вверх, но тут же добавила с сомнением: — [Вот только любовная линия главных героев движется как-то слишком медленно.]

Любовная линия… Гу Сю прикусил губу. На этот раз он не стал спорить с Системой, чувствуя необъяснимое раздражение. Из-за того, что он не сводил с них глаз, его веки покраснели от холодного ветра. К тому же болезнь была в самом разгаре: кончик носа стал пунцовым, словно его натерли лепестками цветов.

Он выглядел так, будто только что плакал. Позади шумной толпы съемочной группы Гу Сю казался запертым в вакууме одиночества. Он стоял, опустив голову и засунув руки в карманы — не столько ради тепла, сколько пытаясь сохранить остатки напускного безразличия.

[Ладно, — скомандовала 007. — Можешь уходить со сцены с разбитым сердцем.]

Гу Сю развернулся и пошел прочь, тихо кашляя.

Но путь ему преградила высокая фигура. Лу Шичэнь стоял неподвижно, перекинув через руку шарф.

Гу Сю прикрыл рот кулаком, голос его звучал совсем глухо:

— Девятый дядя?..

Лу Шичэнь сохранял свой привычный образ — холодный, отстраненный, с безупречной линией подбородка и очками, перерезающими переносицу. Каждая черта его облика веяла ледяной твердостью. Его пепельно-серые глаза безмолвно созерцали Гу Сю, напоминая снег, падающий в пасмурный день. Спустя мгновение он поднял руку и, не терпя возражений, обмотал шарф вокруг шеи юноши, завязав аккуратный узел.

— Пойдем. Моя машина там.

Несмотря на суровое выражение лица, в его словах сквозила та самая смесь безграничной заботы и властности.

— Такие, как Цзян Юаньяо... — небрежно начал Лу Шичэнь, уже сидя в машине, и замолк.

Гу Сю вытер нос и посмотрел на него покрасневшими глазами, которые из-за отека стали казаться «двойными». В этом мире его не ловили монстры и не кусали зомби, но он умудрился подхватить простуду. Мало того, что нос перестал слушаться, так еще и глаза невыносимо чесались.

Лу Шичэнь заметил этот болезненный румянец, тяжело вздохнул и, заставив себя быть твердым, продолжил:

— Происхождение, образование, характер... даже его поведение в личной жизни. Он тебе не подходит. Ни в чем.

Гу Сю: «...М?»

Лу Шичэнь краем глаза видел, как в уголках глаз юноши поблескивают слезы — тот выглядел жалко и несчастно. Однако реакция его была скорее недоуменной. Разговор с ним всегда напоминал попытку нанести сокрушительный удар по куску ваты — это одновременно злило и обезоруживало.

Лу Шичэнь крепче сжал руль, подавляя вспышку эмоций, и заговорил резче:

— Ты разве не видишь? Стоит тебе прийти к нему, как ты застаешь его в объятиях другого. А что происходит, когда тебя нет рядом? Шоу-бизнес — это сточная канава…

007 напомнила Гу Сю о необходимости придерживаться образа, и он выдавил из себя лицемерную фразу:

— Ну… я ведь тоже раньше использовал его как замену. Я тоже виноват.

— !

Машина резко дернулась, и Гу Сю едва не вылетел вперед — спасли только ремни безопасности. Лу Шичэнь ударил по тормозам.

Если бы Гу Сю лишился статуса молодого господина семьи Гу, разве хватило бы у него сил и желания опекать какую-то мелкую звезду? В глазах Лу Шичэня Цзян Юаньяо был из тех, кто готов делить радости, но не тяготы — он наверняка бросил бы разорившегося Гу Сю при первой возможности.

В серых глазах сгустились грозовые тучи. Спустя долгое молчание Лу Шичэнь произнес:

— Гу Сю, не говори потом, что я не давал тебе шанса.

Юноша замер. Он слишком долго жил в покое и лишь сейчас, почувствовав перемену в тоне мужчины, осознал серьезность момента. Хотя его отношения с Лу Шичэнем стали куда лучше, чем в оригинальном романе, им всё равно предстояло столкнуться лбами из-за главного героя и стать врагами.

[Разумеется, он не даст тебе шанса… Ты ведь его соперник! — Серебристый шарик порхал вокруг, пытаясь утешить своего приунывшего подопечного. — В конце концов главный герой даст тебе кучу денег и отправит за границу пропадать в одиночестве. Он и так слишком добр к тебе.]

Гу Сю всё равно был не в духе.

По возвращении в столицу его простуда прошла, но настроение оставалось мрачнее ночи. Он и

сам не понимал, почему так хандрит.

[Гугуцзю, выше нос! — подбадривала 007. — Мы подходим к кульминации твоей сюжетной линии. Прямо в канун Нового года твое истинное происхождение будет раскрыто. Прямо за праздничным столом в доме Гу тебя с позором выставят за дверь…]

***

Сегодня был канун Нового года.

На телефоне Гу Сю скопилось несколько пропущенных вызовов от родственников из семьи Гу. Они настойчиво, почти заискивающе звали его на праздничный ужин в старое поместье, недвусмысленно намекая, чтобы он привел с собой Лу Шичэня.

Те крохи имущества, за которые грызлись в семье Гу, Лу Шичэнь даже не заметил бы, если бы они достались ему даром. Эта семья не представляла для него никакой ценности. К тому же Лу Шичэнь любил работать, но терпеть не мог пустые приемы.

Поговаривали, что семья Гу недавно заключила контракт с корпорацией «Хуанъя». Гу Сю прекрасно понимал: это лишь жест доброй воли Лу Шичэня, которому, видимо, некуда было девать деньги.

Гу Чунь и старший дядя использовали это как предлог, надеясь, что юноша приведет Лу Шичэня к ужину, чтобы они могли лично выразить благодарность.

«Смехота, — язвительно подумал Гу Сю об этих родственниках, которых он никогда не видел. — Семья Гу для Лу Шичэня — пустое место. Пытаться подлизаться к нему через меня… Они добьются лишь того, что он сотрет их в порошок всех разом».

Тем не менее, семья Гу в полном составе собралась в старом поместье, и у каждого за душой был свой интерес.

Гу Сю явился в своем привычном образе неисправимого повесы: опоздал к назначенному времени и неспешно вошел в дом. Роскошный праздничный стол еще не тронули; за огромным круглым столом из красного дерева сидели родственники, и в миг его появления все взгляды обратились к нему.

— Гу Сю пришел?

— Ого, как он похорошел.

— Сегодня ты рановато, Гу Сю. Иди сюда, присаживайся…

Какая-то тетушка радушно схватила его за руку. Гу Сю даже не потрудился изобразить фальшивую улыбку и просто выдернул руку. Тетушка, не потеряв лица, продолжала лучиться гостеприимством:

— Директор Лу пришел с тобой?

Юноша скривился, нашел свободное место во главе стола и небрежно бросил:

— Девятый дядя не из семьи Гу. С чего бы ему сюда приходить?

— Ну зачем ты так…

— Твои родители рано ушли, и слава богу, что директор Лу так заботится о тебе. Мы, как твоя семья, должны поблагодарить его.

Родственники продолжали тараторить. Гу Сю, опустив глаза, витал в облаках. Его пальцы лениво скользили по скатерти; он отодвинул бокал с вином и выбрал стакан со сладким апельсиновым соком. Добавил к этому тарелку с вареным арахисом — идеальный набор.

Внезапно на телефон пришло сообщение. Гу Сю машинально открыл его и на миг замер, забыв прожевать еду. Это был Лу Шичэнь.

Девятый дядя: [Как ты там, в семье Гу?]

«Надо же, нашел время беспокоиться о своем сопернике…» — Гу Сю торопливо вытер руки и принялся набирать ответ. Не зная, что написать, он полез в галерею, заваленную интернет-мемами.

Он выбрал серию набросков с животными: на одном был вид сверху — мохнатая макушка закрывает глаза, отчего зверь кажется сердитым; на втором — вид снизу, с подписью: «На самом деле я не злюсь!» Он сохранил этот набор когда-то, потому что зверушки были очень милыми. Покопавшись, он нашел вариант с длиннохвостой синицей.

Но перед отправкой он немного подредактировал картинку: зачеркнул «не» и добавил в конце «очень» — «На самом деле я очень злюсь!» Процесс так его позабавил, что он прыснул и отправил это Лу Шичэню.

Мужчина, очевидно, лишенный чувства юмора, ответил лишь лаконичным: […]

Гу Сю хмыкнул, но спустя мгновение пришло новое сообщение.

Девятый дядя: [Хочешь вернуться?]

Юноша застыл.

Скоро его вышвырнут из дома Гу, в каком статусе он пойдет к Лу Шичэню? Вся эта опека и забота предназначались племяннику, связанному с ним узами крови.

Он невольно поднял голову и встретился взглядом с Гу Чунем, сидевшим напротив. Тот смотрел на него странным, трудночитаемым взглядом. Гу Сю вздернул бровь, безмолвно вопрошая: «Чего уставился?»

Ему было тоскливо, и стоило Гу Чуню попасться под горячую руку, как юноша тут же перешел в атаку:

— Кстати говоря, Гу Чунь, ты всё еще живешь в моем доме? Я там теперь не бываю, так что потрудись съехать поскорее. И если вдруг что-то пропадет… как думаешь, стоит ли мне спросить с такого «хорошего» родственника?

Гу Чунь даже не повелся на провокацию. Он продолжал смотреть на него тем же сложным взглядом. Почувствовав неладное, Гу Сю сглотнул и невольно откинулся на спинку стула, ища опору.

[Гугуцзю, твоя игра великолепна! — Серебристый шарик в восторге носился над столом. — Сейчас, прямо сейчас разгневанный Гу Чунь раскроет тайну твоего происхождения!!!]

***

Гу Чунь действительно завидовал Гу Сю с самого детства. У того были лучшие родители в мире, которые души в нем не чаяли. Ему не нужно было бороться или вырывать кусок из чужого горла — всё самое прекрасное само шло к нему в руки. И при этом Гу Сю никогда не ценил своего счастья: вечно жаловался и хвастался, даже не осознавая этого.

Может быть, дело было в том, что в последнее время Гу Сю сменил свой кошмарный стиль в одежде? Или в том, что он съехал из дома и расстояние сгладило углы? А может, из-за того, что ему приходилось каждый день ходить на работу и отмечаться в табеле?

Гу Чунь поймал себя на мысли, что больше не испытывает к нему прежней неприязни, и от этого на душе у него было скверно. Он уже помог отцу получить инвестиции от Лу Шичэня, его жизнь наладилась, и он вполне мог бы мирно сосуществовать с Гу Сю. Но сегодня днем Лу Шичэнь внезапно вызвал его к себе, передал результаты экспертизы и велел раскрыть правду о происхождении Гу Сю.

После этой ночи Гу Сю перестанет быть членом семьи Гу. В его жилах не течет их кровь, а

значит, наследство ему не принадлежит. Его биологическая мать обманула приемных родителей, заставив их всю жизнь растить чужого сына… С ним даже не стали сводить счеты за прошлые траты — то, что ему позволят уйти из дома Гу в целости и сохранности, уже было верхом милосердия.

Гу Чунь весь день размышлял над словами Лу Шичэня. Он помнил, что у того был крайне скверный вид; видимо, Гу Сю окончательно вывел дядю из себя своим несносным поведением.

Переходить от роскоши к нужде всегда тяжело, а Гу Сю совершенно не умел зарабатывать деньги. Кто знает, куда он пойдет завтра? В крайнем случае, можно дать ему несколько сотен тысяч, чтобы не умер с голоду — просто в качестве акта благотворительности.

Гу Сю и не догадывался о тех душевных терзаниях, что испытывал его двоюродный брат.

Внезапно Гу Чунь с грохотом отложил палочки и резко встал. Лицо его было бледным и торжественным. Юноша, не подозревая о надвигающейся буре, увлеченно грыз свиную ножку. Откусив кусок, он поморщился, выплюнул его в тарелку и мысленно пожаловался:

«И это они называют праздничным ужином? Еда у дяди Туна в сто раз вкуснее».

[Ты больше не попробуешь еду дяди Туна, так что не привередничай. Ешь, пока дают.]

«Цыц, — цыкнул Гу Сю. — Тот босс с донатов прислал мне уже почти миллион. Как только выведу их, уеду за границу и заживу припеваючи».

— Я… мне нужно кое-что сказать! — голос Гу Чуня дрожал от напряжения, лицо покраснело.

Большинство присутствующих продолжали спокойно есть, глядя на него с тем же недоумением, с каким обычно обсуждали выходки Гу Сю.

— Это касается Гу Сю…

В зале мгновенно воцарилась гробовая тишина. Десятки пар глаз устремились на юношу. Гу Сю продолжал невозмутимо жевать.

Гу Чунь, глядя на это безразличие, почувствовал прилив ярости. Он решительно выхватил из портфеля пачку документов и с силой хлопнул ими по столу.

— Что ты творишь в такой праздник? — тихо спросил кто-то. Родственники опасливо косились на Гу Сю, ожидая его бурной реакции.

— Посмотрите сами. Это результаты теста ДНК, — выпалил Гу Чунь на одном дыхании. — Гу Сю не сын старшего дяди и тети! Он сын их тогдашней экономки! Настоящий Гу Сю давно умер…

Все застыли в оцепенении. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем десятки рук потянулись к столу, выхватывая листки. По залу пополз нестройный шепот, переходящий в гул.

Гу Сю чувствовал, что по-прежнему находится в центре внимания, но взгляды изменились — они стали колючими, жадными, словно родственники пытались вспороть его взглядом и посмотреть, что за кровь течет в его жилах.

Старый господин Гу, забыв про трость, тяжело оперся о стол и поднялся.

— Гу Чунь, о чем ты говоришь?

Вот только в его голосе не было и тени желания заступиться за внука. Если и был в этой семье кто-то, кого он ненавидел больше всех, то это был Гу Сю. В свое время его приметила госпожа из семьи Лу, и он в одночасье взлетел на вершину. Но он никогда не любил эту властную женщину, иначе не завел бы себе целый гарем из любовниц, породивших нынешнюю ветвистую семью Гу.

Позже его жена умерла, умер и их единственный сын, оставив после себя этого никчемного внука, который с каждым годом становился всё хуже. У старика было полно внуков, и даже если кровное родство что-то значило, когда пирог приходится делить на слишком много частей, его вкус притупляется.

Гу Чунь, пользуясь благосклонностью деда, не спасовал. Он подошел к нему с документами и начал тыкать пальцем в каждую строчку:

— Дедушка, я говорю, что Гу Сю нам не родственник.

Выражение лица старого господина Гу менялось с калейдоскопической быстротой: от шока к сомнению, от сомнения к нерешительности, а затем… на нем проступила тень ликования.

На самом деле, его покойный старший сын справлялся с делами куда лучше него, превратив семейную компанию в процветающий бизнес. После смерти супругов он, как отец, должен был стать первым наследником, но те предусмотрительно составили завещание, согласно которому всё имущество переходило их сыну Гу Сю, а опекунство поручалось дальнему родственнику — Лу Шичэню.

И вот теперь всё изменилось. Если права Гу Сю на наследство основывались на чудовищной лжи, то какое он имеет право распоряжаться этими богатствами?

Пальцы старика задрожали от возбуждения. Его любовницы, почуяв смену ветра, тут же кинулись подавать ему трость.

— Получается, Гу Сю не имеет права на наследство своих родителей. Всё это имущество должно принадлежать нам, истинным членам семьи Гу, — подала голос миловидная женщина средних лет по левую руку от старика.

Сидевшая справа красавица со смешком подхватила:

— Он с детства ел и пил за счет нашей семьи, швырял деньги направо и налево. Не пора ли ему вернуть всё, что он растратил?

Гу Чунь не ожидал, что дело примет такой оборот и родственники хором примутся требовать с Гу Сю долги. Он замялся и попытался вставить слово:

— Ну, это уже слишком…

Красавица тут же обрушилась на него с праведным гневом:

— Тебе не жалко денег, Гу Чунь, только потому, что тебе из этого наследства ничего не светит! Не строй из себя великодушного!

— Третья бабушка! Вы… — Гу Чунь лишился дара речи.

Его отец тоже пребывал в замешательстве. Эта «Третья бабушка», нынешняя фаворитка отца, не была его матерью. Главным козырем их ветви всегда были хорошие отношения с Гу Сю, но теперь… Он лишь прикрикнул на сына:

— Гу Чунь! Как ты разговариваешь с Третьей бабушкой? Мама, не обращай внимания на этого мальчишку.

В конце концов, когда отец и его свита отойдут в мир иной, наследство всё равно достанется им. Праздничный ужин окончательно превратился в балаган.

У Гу Сю заломило в висках от этого шума. Ему было невыносимо скучно.

— Как бы то ни было, — подвели итог родственники, когда пыл немного угас. — Вопрос с наследством и домом решится позже. Но Гу Сю за эти годы потратил миллионы из семейного бюджета, содержал какую-то звезду… Это огромные деньги. Он уже взрослый и обязан отвечать за свои поступки. Эти деньги должны быть возвращены.

— ...?

«Где обещанное по сценарию "вышвыривание на улицу"?» — Гу Сю с изумлением уставился на эту моложавую «бабушку».

[Ой-ой... — прокомментировала 007. — Кажется, твой отпуск под угрозой...]

— Десять миллионов?

— Я заплачу за него.

Внезапно раздался низкий, холодный голос, точно ледяной клинок, вонзившийся в кипящую воду. Все разом обернулись к дверям. Там, подобно божеству, спустившемуся с небес, стоял мужчина в очках в серебряной оправе.

— Гу Сю, иди сюда. Ты уходишь со мной.

Словно не замечая всеобщего оцепенения, Лу Шичэнь смотрел только на юношу. Тон его не терпел возражений. У Гу Сю не было иного выбора. К тому же свиная ножка и впрямь была отвратительной.

Он моргнул, переваривая шок, и торопливо вскочил, следуя за своим спасителем. В голове он уже прикидывал, удастся ли ему поужинать на вилле Лу Шичэня.

[Я так и знала! Сюжет лишь немного отклонился, ничего страшного. — 007 мысленно поправила несуществующие солнечные очки. — Главный гун в любом случае должен был дать тебе денег, чтобы ты исчез. Раз семья Гу не хочет отпускать тебя просто так, он решил выкупить твою свободу!]

Силуэт Лу Шичэня маячил впереди. Вдруг он резко остановился. Гу Сю, слушавший болтовню Системы, чуть не врезался ему в спину. Мужчина обернулся и по-джентльменски открыл перед ним дверцу машины:

— Садись скорее, простудишься.

Юноша втянул голову в плечи от холода и поспешно нырнул в салон.

Дверь захлопнулась. Лу Шичэнь остался стоять снаружи, за стеклом. Он казался невозмутимым, словно ледяной ветер был ему нипочем. Мужчина снял очки и принялся неспешно протирать линзы от конденсата, но его серые глаза ни на миг не отрывались от того, кто сидел внутри.

Уголки его губ едва заметно дрогнули. На лице обычно сдержанного и властного человека проступило торжество, которое невозможно было скрыть.

Шумоизоляция в машине была безупречной, поэтому Гу Сю мог лишь догадываться о смысле слов по движению губ:

— Теперь ты, наконец, принадлежишь мне.

http://bllate.org/book/16111/1586203